

УДК 82.091

ЛИТЕРАТУРА КАК ДУХОВНАЯ ЛЕТОПИСЬ НАРОДА.
ФИЛОСОФСКИЙ И СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д. А. Даниличева

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН

Поступила в редакцию 28 сентября 2011 г.

Аннотация: в статье делается попытка через выявление некоторых аспектов организации древнерусской литературы подойти к утверждению определенных особенностей русского средневекового сознания. Литература рассматривается как своего рода индикатор национального самосознания, как шифр, содержащий необходимую информацию о духовном состоянии народа. Центральным утверждением является обоснование канона, стоящего в центре средневекового мировоззрения, как проекции Вселенной на жизнь каждого конкретного человека.

Ключевые слова: слово, литература, древнерусская культура, средневековое мировоззрение, общество, творчество, канон, код, символ, этикет, целомудрие.

Abstract: this article is an attempt by identifying some aspects of the organization of Old Russian literature to come to the assertion of certain features of the Russian medieval mind. Literature is considered as an indicator of national self-consciousness, as a code containing the necessary information about the spiritual condition of people. The central claim is to justify the canon, standing in the center of the medieval worldview, as a projection of the Universe to life of every individual.

Key words: word, literature, Old Russian culture, medieval worldview, society, creation, canon, code, symbol, etiquette, veritable wisdom.

Что такое слово? Вопрос, быть может, бесконечный в своих ответах, так как у такого явления, как слово, слишком много аспектов и контекстов. И филология во всех своих отраслях, и философия, и богословие дают свои определения, а точнее – пытаются рассуждать о феномене слова. Мы же, воспользовавшись общепринятыми фактами, скажем, что слово – двоякая субстанция, состоящая из умной, *идеальной* (по Платону) и материальной, звуковой частей; определенный символ, самый непостижимый по своей природе из всего поля символических элементов, используемых человеком. Словом пронизана вся человеческая жизнь, достаточно сказать, что наше мышление словесно. Слово с начала времен человек использует для идентификации собственного бытия и бытия всего окружающего, для общения и для фиксации в пространстве своей жизнедеятельности. Речь пойдет о последнем.

Итак, каким образом при помощи слова человечество фиксирует на протяжении тысячелетий свое существование на этой земле? Прежде всего, при помощи письменности. Это самый информационно насыщенный материал, который человек может оставить после себя другому человеку. Причем благодаря существованию такого понятия, как *литература*, мы можем получить определенные знания об ушедших поколениях и народах не только на уровне условий и обстоятельств их жизни, бытовых, исторических и религиозных особенностей. Нам может открыться и духовный уровень жизни определенного народа, а также кривая его изменений по историческим периодам существования нации.

Литература – определенным образом организованная письменность, продукт работы человеческого ума и сердца, то, что рождается из сопряжения непрерывающегося мыслительного процесса и потребностей душевно-эмоциональной сферы человеческого естества. Род творчества, в котором творческим материалом и одновременно созидательной энергией является *слово*. А как уже было сказано выше, слово, обладая помимо материальной плоти, неким умным энергетическим центром, способно нести и передавать не только информационный, но и духовный заряд, заложенный в него сказавшим или написавшим. Именно этот, семасиологический, аспект положен в основу известной работы «русского Леонардо», о. Павла Флоренского «Имена», его разрабатывают в своих философских трудах С. Н. Булгаков и А. Ф. Лосев. [1–3]. Именно такого взгляда на природу слова придерживались древние и средневековые исихасты и их последователи-филологи, основавшие в конце XIV в. непревзойденную филологическую школу, породившую особый, экспрессивно-эмоциональный литературный стиль. Свершения этой школы воплощали в себе идеи общего славянского возрожденческого движения, охватившего в XIV–XV вв. православные славянские страны (Болгария, Сербия, Русь). Природа слова занимала умы философов человечества на протяжении многих веков, мы же со своей стороны можем лишь сказать, что всякий, кто занимался изучением языка более или менее основательно, понимает, что язык есть тайна. Глубокомысленное замечание высказывает, например, исследователь языка древнерусской письменности А. М. Камчатнов: «Горы книг написаны о языке, но все они не в состоянии вместить в себя полноты знания о языке, поскольку разгадка тайны языка равносильна разгадке тайны мира и человека» [4, с. 3].

Сказанное относится как к произнесенному слову, так и к написанному. Нам интересно слово написанное. Что верно для написавшего несколько слов, верно и для создавшего несколько произведений. А что верно для одного писателя-творца, тем более верно и для целого народа, оформившего свою литературу и закрепившего ее в веках. Бесспорно, национальное литературное наследие несет в себе бездну информации, попадающей в профессиональные поля разных наук, но прежде всего, конечно, филологии. Литературу изучают по-своему и философия, и история, и этнография, и искусствоведение. Однако еще ее можно рассмотреть как гигантский сверток, как спираль молекулы ДНК, на которой зашифрована духовная информация о народе, неповторимая, личная,

могущая быть приложимой к каждому представителю данного народа, независимо от того, в какой период истории он к ней обратится. Быть может, если еще и с этой позиции рассматривать литературу, она даст нам более полный отчет о содержащихся в ней глубинах. Возможно, эта позиция и является по преимуществу главной в изучении литературы как словесного творчества, так как и в самом человеке по существу главным является его духовное начало, а не подробности душевного и физического устройства, особенно, если речь идет о литературе русской.

Л. А. Чёрная замечательно осветила в начале своей монографии периодизацию изучения древнерусской культуры [5]. История изучения русского Средневековья насчитывает уже более двух с половиной столетий. У ее истоков стоял, по всей видимости, В. Н. Татищев, создавший первую в России историко-культурную периодизацию «всемирного умопросвещения» [6]. В течение этого времени историки, культурологи, философы, филологи заложили, обосновали и применили всевозможные подходы к изучению эпохи русского Средневековья. Борьба славянофилов и западников, открытая в определенном смысле «Философическим письмом» П. Я. Чаадаева, дала пример в известной мере бесплодного противостояния двух крайних мировоззренческих концепций [7, 8]. Цивилизационный подход представил культуру Древней Руси как определенный культурно-исторический тип развития общественной жизни в чередующихся друг друга самобытных типах существования мировой истории [9]. Религиозно-философское направление в теории культуры подняло вопрос о русской культуре на новую, более продуктивную ступень философского осмысления, переместив философский разбор тонкостей цивилизационной и субъективно-личностной организации русской «души» из общефилософского плана в план рассмотрения самобытных ментальных особенностей нации в духовном контексте. Работы по истории русской культуры первых десятилетий XX в. носили явный социологический налет [10]. Далее, вплоть до последних десятилетий XX века в этой сфере научного изучения четко использовался предметно-аксиологический подход, разделивший древнюю культуру строго на материальную и духовную и давший огромное количество конкретно-исторических работ по отдельным сторонам культуры [11]. Параллельно с этим подходом сложилась семиотическая школа, рассматривающая пласт древнерусской культуры как систему разнообразных кодов, требующих от исследователя дешифровки [12].

В последнее время активно разрабатывается герменевтический подход к изучению древнерусских текстов как одной из основополагающих составляющих культуры русского Средневековья. А. М. Панченко, А. Н. Робинсон, Е. К. Ромодановская, А. С. Дёмин, О. В. Творогов, Г. М. Прохоров, В. М. Кириллин, Л. И. Сазонова и другие историки литературы внесли существенный вклад в раскрытие сложнейших процессов, протекавших в литературе Древней Руси, что дало богатый материал и для культурологического осмысления [13]. Нельзя умолчать также о великом вкладе в отечественную медиевистику Д. С. Лихачёва, суть новаторства которого состояла в возрожденческо-широком, всеохватывающем взгляде на

проблемы литературоведения, результатом чего стал корпус работ по истории культуры, искусствоведению, наряду с глубокими монографиями по историческому и теоретическому литературоведению. В своей книге «Человек в литературе Древней Руси» ученый предложил положить в основу историко-литературной периодизации стиль изображения человека, в результате чего появилось широко известное деление древнерусской литературы на стили – «монументального историзма» (XI–XIII вв.), «экспрессивно-эмоциональный» (XIV–XV вв.), «ложного монументализма» (XVI в.) и «открытия личности» в культуре XVII столетия – ставшее «общим местом» в работах литературоведов-медиевистов [14].

Таким образом, через рассмотрение некоторых аспектов литературы Древней Руси можно с совершенной очевидностью утверждать возможность подойти к утверждению определенных особенностей древнерусского сознания. Главным образом, через дешифровку кода древнерусской словесности, который, например Ю. М. Лотман, назвал «информационным парадоксом» [15], а Д. С. Лихачёв – «литературным этикетом» [16]. Каноничность древнерусского искусства, а в частности, древнерусской литературы. Что это такое и почему? Какую информацию несут нам, современным людям, эти 700 лет русской мысли, это первозданное творчество русского народа?

Как это ни парадоксально, но всё своеобразие древнерусской литературы можно объяснить лишь в нескольких словах: абсолютно иное понимание творчества как такового, природы творчества, нежели то, которое становится присущим человеку Нового времени. Творчество для человека Древней Руси – процесс, безусловно, духовный, в первую очередь; не душевно-эмоциональный, не рассудочно-интеллектуальный, а – духовный. Это соучастие в деле божественном. Во многом это объясняется тем, что появление письменности на Руси и принятие ею христианства сливаются в рамках истории в единый мощный процесс, который довольно скоро из фактического переноса византийской книжности и религиозной культуры на почву Древней Руси превращается в самовозрастающую самостоятельную национальную культуру, самобытно развивающую свои литературу, искусство, традиции, обрядность.

В процессе укоренения на славянских землях новоявленной письменности вырисовывается интересное филологическое явление: вырабатывается особый – высокий стиль языка, который используется только в «высоких» целях – в церковном богослужении (на нем написан корпус переводных литургических текстов и Священное Писание) и в «художественной» (как бы сейчас сказали) словесности – церковнославянский. Все остальные письменные памятники – юридического, исторического, личного, социально-бытового характера – пишутся на древнерусском, общеупотребительном, разговорном языке. Таким образом, художественная словесность русского Средневековья с самого начала своего существования помещается в единую сферу бытования со священными и богослужебными текстами, занимая свое место в строгой литературной иерархии (ведь в средневековой модели мироустройства все иерархично). Нужно отметить, что верхушку в иерархии литературных жанров

тогда занимали тексты Священного Писания, о чем сейчас мы даже не задумываемся и что еще раз указывает на включенность литературы (в тогдашнем понимании) в единый богочеловеческий процесс духовного образования. Азбука, письменность, книга стали для недавно крещенных славян священными. Слово, текст должны были раскрывать христианские истины, приобщать к сверхъестественному Божественному миру, к высшей религиозной мудрости. Отсюда и своеобразие стилевой и жанровой систем, в которых не было места многим светским родам и жанрам, характерным и для византийской, и для западноевропейских средневековых литератур: роману, поэме, драме, лирике.

Средневековая русская литература предельно функциональна. Д. С. Лихачёв дал глубокую разработку аспекта функциональности древнерусской литературы в своих основных трудах: «Поэтика древнерусской литературы», «Человек в литературе Древней Руси» [16, 14]. Древнерусский книжник не озабочен поиском индивидуальности и собственной неповторимой оригинальности, его волнует только соответствие произведения, над которым он работает, канону. Он творит и мыслит, опираясь на исторические достижения канона, находясь в его фундаментальных границах. Для него не существует понятия плагиата, все существующие авторитетные тексты суть материал для достижения наибольшей полноты и полезности создаваемого произведения. И стимулом его творчества служит желание таланта поучаствовать в гармоничном и стройном звучании высокой литературы и тем самым принести духовную, благую пользу тем, с кем он вступает в контакт посредством связи «писатель – читатель». Таким образом, при психологическом анализе поведенческой установки древнерусского писателя в пределах создаваемого им текста очевидно выступает на первый план понимание русским книжником роли литературы в выстраивании, созидании души читателя или слушателя, а не в развлечении или обогащении его «эстетического чувства», на чем упор стал делаться в Новое время. В свете такой установки вполне объяснимым становится и факт отсутствия литературного вымысла в первые века русской книжности. Сочиненное вполне логично оценивалось сознанием средневекового русского человека как ложь, поэтому в любых текстах, будь то апокрифические сказания, средневековые византийские легенды, часто содержащиеся в византийских хрониках, и т.п., все подавалось с позиции реально происшедшего. Земное и небесное сливалось в единый монолит, довольно долго не поддававшийся распаду. В древнерусской литературе события и вещи, окружающие человека, – символы и проявление высшей духовной реальности. Чудесное и сверхъестественное воспринималось как не менее подлинное, чем привычное и обыденное. Теоцентричность средневекового сознания, в отличие от антропоцентричности Нового времени, ориентация его на возможность и желательность постоянного внутреннего диалога человека с Богом делали неудобопонятные современному интеллекту особенности совершенно естественными и органичными.

Как было сказано выше, Д. С. Лихачёву принадлежит термин «литературный этикет» в применении к знаковым особенностям внутренней

организации словесного пространства памятников древнерусской литературы. Исследователь характеризует это явление как господствующий художественный метод в литературе русского Средневековья: «Древнерусский писатель с непобедимой уверенностью влагал всё исторически происшедшее в соответствующие церемониальные формы, создавал разнообразные литературные каноны. Житийные, воинские и прочие формулы, этикетные саморекомендации авторов, этикетные формулы интродукции героев, приличествующие случаю молитвы, речи, размышления, формулы некрологических характеристик и многочисленные требуемые этикетом поступки и ситуации повторяются из произведения в произведение. <...> Писатель жаждет ввести свое творчество в рамки литературных канонов, стремится писать обо всем «как подобает», стремится подчинить литературным канонам все то, о чем он пишет...» [16, с. 64]. Ученый, в свойственной ему манере широкого историко-культурного обозрения каждой проблемы, рассматривает «литературный этикет» в свете этикетно организованного феодального общества: «Феодализм времени своего возникновения и расцвета с его крайне сложной лестницей отношений вассалитета-сюзеренитета создал развитую обрядность: церковную и светскую. Взаимоотношения людей между собой и их отношения к Богу подчинялись этикету, традиции, обычаю, церемониалу, до такой степени развитым и деспотичным, что они пронизывали собой и в известной мере овладевали мировоззрением и мышлением человека» [16, с. 61]. Как можно увидеть из приведенной цитаты, исследователь пытается представить мышление и мировоззрение человека как бы захваченными этой всеохватывающей «этикетностью», называя ее «одной из форм идеологического принуждения в средние века» [16, с. 61]. Однако можно рассмотреть вопрос каноничности и с совершенно обратной позиции, оценивая этикетно организованное общество как следствие особым образом организованного мировоззрения, в свою очередь определяющего мышление средневекового человека, то есть по принципу «сознание определяет бытие». В конечном итоге все научные исследования имеют во главе угла аксиому именно этого типа: либо «сознание», либо «бытие», отсюда и совершенно разные конечные постулаты при единстве метода научного познания.

Рассуждая в том же ключе, можно привести в пример воззрения на общечеловеческую культуру П. А. Флоренского, с точки зрения которого вместо эволюции в культуре наблюдаются ритмически сменяющиеся два типа – средневековый и возрожденческий. Первый обладает органичностью, объективностью, конкретностью, самособранностью, а второй – раздробленностью, субъективностью, отвлеченностью и поверхностностью. «Культура, – по мысли философа, – как свидетельствуется и этимологией, есть производная от культа, то есть упорядочивание всего мира по категориям культа...» [17]. Таким образом, из этих высказываний можно вывести понимание Средневековья как эпохи «упорядочивания», и отмеченный Д. С. Лихачёвым аспект «этикетности», пронизывающий все сферы жизнедеятельности общества, становится вполне органичным и объяснимым именно с этой точки зрения. То, каким образом строится

общество, определяется ментальностью общества и определенными проявлениями этой ментальности в разные исторические периоды. Проявления эти, в свою очередь, зависят от процессов, проходящих в так называемом «коллективном бессознательном» означенного общества.

Ю. М. Лотман, говоря о каноничности, пишет об установленных в исторической поэтике двух типах искусства: об ориентированном на канонические системы и о строящемся на нарушении канонов и заранее предписанных норм. Цивилизационный культурологический подход выделяет целые культурные эпохи (например, века фольклора, Средневековье, классицизм), когда художественное творчество заключалось в выполнении, а не нарушении правил. «Информационным парадоксом» называет исследователь феномен появления информации в текстах, «вся система которых по условию наперед предсказуема» [15, с. 440]. Он объясняет это существованием различных видов подачи информации. В случае с поэтикой литературы Нового времени, ориентированной на нарушение канона, формальная организация текста служит как бы прямым каналом передачи информации от адресанта адресату. Тексты же, организованные по каноническому принципу, подобны, по его мнению, музыкальной структуре, где формальная система сама по себе уже представляет определенный информационный код, вызывающий эффект «узнавания» или «припоминания» и в целом заставляющий читателя или слушателя соучаствовать в едином творческом процессе. Текст древнерусского произведения, словно камертон, настраивает читателя на определенную тональность «соучастия» и делает адресата не простым поглотителем эстетической информации, а в какой-то степени творцом уже собственного, индивидуального семантического пространства. Пользуясь философскими категориями, можно сказать, что символический инструментарий древнерусского книжника обращен к духу читателя и к высшим проявлениям его душевно-эмоциональной сферы.

Творчество в контексте Древней Руси – это нечто совершенно иное, чем понимание творчества человеком Нового и Новейшего времен.

При таком взгляде на вопрос каноничности русской литературы и искусства в эпоху Средневековья сама собой отпадает попытка рассматривать этот факт как некую низшую или уже пройденную стадию существования культуры. «Каноническое искусство играет огромную роль в общей истории художественного опыта человечества», – пишет Ю. М. Лотман, – храня в своих памятниках «источники информативности, позволяющие тексту, в котором всё, казалось бы, заранее известно, становиться мощным регулятором человеческой личности и культуры» [15, с. 441].

Вопреки расхожим представлениям о «рабской» психологии в христианской антропологии и объяснениям на основе этого господства канона в искусстве и этикета в общественной жизни христианского Средневековья, главным воздействием на общественную культуру христианства стало высокое понятие о личности человека вообще, о свободе личности. Историк, мыслитель, философ Л. А. Тихомиров пишет по этому поводу: «Личность по-христиански безусловно свободна, но если она имеет в виду жить по-христиански, <...> – она должна быть проникнута самооб-

ладанием: жить как свободная, но не как злоупотребляющая свободой. В действии под влиянием порывов страсти и корыстного пожелания нет свободы: это есть погружение в рабство страсти и внешней приманки. Свобода, таким образом, сама дает основание дисциплине» [18, с. 317]. Этим объясняются строгая упорядоченность сознания средневекового человека, каноничность и иерархичность его Вселенной. Изучение древнерусского Слова дает эффект погружения в инобытие – в мир, живущий по совершенно другим законам, нежели современное человечество. Это были наши предки, такие же люди, как и мы. Но **как** они думали, **как** они читали, **как** они выстраивали свою внутреннюю и внешнюю жизнь – нам сейчас уже бесконечно сложно понять, а то и невозможно. Они видели свое творчество в чем-то ином, нежели видим мы сейчас, однако может ли подвергаться сомнению то, что именно скромным авторам Древней Руси, работавшим, словно каменщики, безвестно созидавшим удивительный словесный град, обязаны своим литературным гением все наши всемирно известные великие писатели?

Еще один русский мыслитель прот. Г. Флоровский, рассматривая негативное отношение к христианскому аскетизму, как к фактору, якобы тормозящему творческое развитие личности, пишет: «Аскеза не связывает творчество, она его освобождает, потому что утверждает его как самоцель. Это прежде всего – творчество самого себя. <...> Аскеза не состоит из запретов. Она – деятельность, «выработка» самого себя. Она динамична. В ней зов к бесконечности, вечный зов, неудержимое движение вперед» [19, с. 647]. На первый взгляд может показаться, что выверенный, «правильный» древнерусский текст не привносит ничего нового, свежего в литературу, пополняя ее только очередной компиляцией, хотя и талантливой. Однако нельзя забывать, что все новые мысли и идеи, которые хочет выразить древнерусский книжник, для него не новы, но являются продолжением фундаментального прошлого. Для него новизна – не в отрыве от прошлого, а в его продолжении. Оттого древнерусский писатель никогда не забывает о том, в каком отношении к общему движению мировой истории находится то, о чем он повествует: любое произведение он начинает с событий истории мира, буквально от Адама. Все взаимосвязано, все значительно, все напоминает человеку о смысле его существования, о величии мира и значительности в нем судьбы человека. Человек средневековой Руси включен в единый канон мироздания. Упорядочивание всех сфер бытия, упорядочивание сознания являлось универсальным способом существования, благодаря которому средневековый человек не чувствовал себя былинкой в неопределимом хаосе, но ощущал себя частицей в едином, сложном и великом организме, управляемом духовными законами; частицей необходимой, действующей в рамках своей личностной траектории и ощущающей пользу своего существования для всего организма в целом. Иное обозначение этой внутренней логики – целомудрие (в первоначальном значении этого слова). Внутренние законы бытия Древней Руси сохраняли целой Мудрость жизни. Можно, таким образом, сказать, что *история древнерусской литературы – это история о целомудрии.*

Литература

1. *Флоренский П. А.* Имена / П. А. Флоренский. – М. : Эксмо, 2006.
2. *Булгаков С. Н.* Философия имени / С. Н. Булгаков. – М. : Наука, 2008.
3. *Лосев А. Ф.* Вещь и имя / А. Ф. Лосев. – М. : Изд. Олега Абышко, 2008.
4. *Камчатнов А. М.* Введение в языкознание / А. М. Камчатнов, Н. А. Ни-
колина. – М. : Флинта : Наука, 2001.
5. *Чёрная Л. А.* Антропологический код древнерусской культуры /
Л. А. Чёрная. – М. : Языки славянских культур, 2008.
6. *Татищев В. Н.* Избранные произведения / В. Н. Татищев. – Л. : Наука.
Ленингр. отд-е, 1979.
7. *Киреевский И. В.* Полное собрание сочинений : в 2 т. / И. В. Киреевский.
– М., 1911. – Т. 1.
8. *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика / К. С. Аксаков. – М. :
Искусство, 1995.
9. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Терра-
Книж. клуб, 2008.
10. *Сакулин П. Н.* Русская литература : социолого-синтетический обзор
литературных стилей. Ч. 1–2 / П. Н. Сакулин. – Л., 1928–1929.
11. *Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука / Э. С. Марка-
рян. – М. : Мысль, 1983.
12. *Лотман Ю. М.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры
(до конца 18 века) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Учен. зап. Тартуского
гос. ун-та. – 1977. – Вып. 414.
13. Герменевтика древнерусской литературы : сб. ст. Ин-та мировой лите-
ратуры РАН. – М., 1989–2004. – Вып. 1–11.
14. *Лихачёв Д. С.* Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачёв.
– М. : Наука, 1970.
15. *Лотман Ю. М.* Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб,
2005.
16. *Лихачёв Д. С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв.
– М. : Наука, 1979.
17. *Флоренский П. А.* Автореферат / П. А. Флоренский // Вопросы филосо-
фии. – 1988. – № 12.
18. *Тихомиров Л. А.* Религиозно-философские основы истории / Л. А. Ти-
хомиров. – М. : Фонд ИВ, 2007.
19. *Флоровский Г.* Христианство и цивилизация : избранные труды по бо-
гословию и философии / Г. Флоровский. – СПб. : Изд. Русской христианской
гуманитарной академии, 2005.

*Институт мировой литературы
имени А. М. Горького РАН*

*Даниличева Д. А., аспирантка отде-
ла древних славянских литератур*

E-mail: kiriologos@yandex.ru

Tel.: 8(473) 252-77-94

*Institute of World Literature of the Name
of A. M. Gorki of the Russian Academy of
Sciences*

*Danilicheva D. A., Post-graduate Stu-
dent of the Department of Ancient Slavic
Literatures*

E-mail: kiriologos@yandex.ru

Tel.: 8(473) 252-77-94